

ИСЛАМСКИЕ ПАРТИИ НА ИНДОНЕЗИЙСКИХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 2009 г.

Уход с политической сцены президента Сухарто и падение режима Нового порядка в 1998 г. привели к тому, что Индонезия вступила в период масштабных преобразований различного характера. Реформы не обошли стороной ни общественно-политическую, ни экономическую сферы. Дух нового времени оказал воздействие и на развитие партийной системы.

Как известно, на протяжении большей части президентства Сухарто в Индонезии властями было санкционировано существование лишь трех партий: Голкара (организации, а фактически партии, функциональных групп), Демократической партии Индонезии и Партии единства и развития (ПЕР). Последняя позиционировалась как исламская. Партия не обладала правом политической инициативы и не была самостоятельной в принятии важных решений. Скорее ее можно было рассматривать как инструмент в руках властей, с помощью которого они решали свои задачи и создавали видимость наличия у мусульманского большинства страны собственной партии, способной удовлетворить его политические потребности.

В 1998 г. положение дел резко изменилось. После снятия запретов на регистрацию новых партийных структур на авансцене индонезийской политики появилось множество партий, в том числе и исламских. Необходимо заметить, что во время первых двух парламентских выборов постсухартовского периода они показали себя как сила, с которой было необходимо считаться. Именно новые исламские партии рассматривались как наиболее вероятные оппоненты тех, кто был представлен в законодательном собрании при Сухарто. Партия национального мандата (ПНМ), Партия национального возрождения (ПНВ) и некоторые другие уверенно вошли в элитный политический клуб Индонезии. Это было связано не в последнюю очередь с тем, что их возглавляли узнаваемые и популярные личности (Абдуррахман Вахид, Амин Раис и т.д.). В 1999 г. на долю партий исламской направленности пришлось около трети от общего числа голосов, что было несомненным успехом, а пятью годами позже им удалось повторить эти впечатляющие показатели. Необходимо отметить, что степень ориентированности на ислам у рассматриваемых в данной статье партий неодинакова. Аналогичное заключение можно сделать и в отношении их готовности защищать интересы ислама (и самого понимания этих интересов), равно как и концепции взаимодействия этой религии с другими.

Однако 2009 год, вопреки прогнозам ряда аналитиков и победным реляциям руководителей исламских партий, сложился для последних не столь удачно. Прорыва, который многие предсказывали, не произошло, хотя результаты можно охарактеризовать как удовлетворительные. Но в любом случае было заметно разочарование многих партийных деятелей в итогах парламентских выборов, исход которых не оправдал их надежд. Ведущие партии исламской части политического спектра сдали позиции по сравнению с предыдущим общенациональным электоральным циклом. Чем это объяснялось?

Причин, лежащих в основе не вполне удовлетворительного выступления исламских партий, несколько. Мы имеем все основания разделить их на две категории: собственно внутрипартийные факторы и общие социально-политические условия в современной Индонезии.

Анализ событий в области становления и развития индонезийской партийной системы последних пяти лет недвусмысленно указывает на то, что в стагнации или даже регрессе отдельных исламских партий виноваты и они сами. За критерий оценки их деятельности в данном случае можно взять результаты выборов. Многие, в том числе исламские, партии, которые еще несколько лет назад рассматривались в качестве потенциальных фаворитов парламентской гонки 2009 г., своей политикой уменьшали собственные возможности роста и дальнейшей экспансии на поле борьбы за голоса избирателей. Скандалы и внутренние конфликты, становившиеся достоянием общественности, сыграли против них. Не добавляло им популярности и слабое, нехаризматичное руководство, для которого подчас непосильной задачей представлялась даже консолидация рядов своих партий, не говоря уже о решении более серьезных задач. Ни для кого не секрет, что в Индонезии личность партийного лидера имеет определяющее значение при выборе гражданином того или иного пункта в избирательном бюллетене. Программные установки имеют гораздо меньший вес. Слабым звеном многих исламских партий было именно недостаточно популярное и узнаваемое руководство.

Широко известно, например, что успехи Партии национального возрождения и Партии национального мандата обуславливались огромной личной популярностью их лидеров - Абдуррахмана Вахида и Амина Раиса. Именно ресурс доверия к этим лицам со стороны значительного количества потенциальных избирателей и позволил ПНВ и ПНМ вполне успешно выступить в 1999 и 2004 гг. Ситуация значительно изменилась в последнее время.

Раис, многолетний лидер ПНМ и Мухаммадии (второй по количеству сторонников мусульманской организации Индонезии), в 2004 г. подумывал об уходе из большой политики и покинул пост председателя ПНМ, предоставив возможность другим членам партии выйти на первый план. Доверие, оказанное в рамках того, что Раис называл «процессом

обновления», новые руководители не оправдали. Они не сумели привести ПНМ к достойному результату на выборах, не смогли завоевать симпатии населения. Всего через несколько дней после апрельского общенародного голосования в средства массовой информации просочились слухи о том, что внутри партии зреет недовольство ее руководством и уже выдвигаются требования проведения досрочного съезда, на котором должны быть избраны новые лидеры. Подтверждения этому стали поступать позднее, когда Раис и председатель ПНМ Сутрисно Бахир не могли договориться о том, кому из кандидатов следовало оказать поддержку во время президентской кампании¹. Все это недвусмысленно указывало на то, что внутри некогда перспективной партии царит явно нездоровая атмосфера. Кризис руководящего звена, вероятно, и стал одной из главных предпосылок невнятного ее выступления на выборах 2009 г. Немаловажно, что в последнее время несколько ухудшились отношения ПНМ и Мухаммадии, являвшейся главной электоральной базой партии. Собственно говоря, традиция причисления ПНМ к исламским партиям уходит своими корнями именно в ее близость к Мухаммадии, из которой вышел и сам Амин Раис.

В 2006 г. в Индонезии появилась новая политическая фигура – Партия национального солнца (ПНС). Многими аналитиками она рассматривалась как группа лиц, недовольная политикой ПНМ и оформившаяся в собственную партию. Лидеры ПНС выражали несогласие с такой точкой зрения, хотя многое указывало на ее справедливость². Даже эмблема ПНС напоминала известную в Индонезии эмблему ПНМ³. Амин Раис в прессе обвинял ПНС в том, что название ее основателями было выбрано не случайно и является ничем иным как неприкрытой попыткой эксплуатации политического капитала ПНМ. «Ты подобен солнцу нации» – так звучит первая строчка известного политического марша ПНМ. Это не просто совпадение, по мнению Раиса, который грозил новоявленному сопернику судом.

Ввиду того, что многие члены новой партии, включая ее руководство, были выходцами из Мухаммадии, становилось очевидным, что ПНС может стать конкурентом ПНМ, а основное сражение развернется за голоса этой мусульманской организации. ПНС будет не в состоянии в ближайшее время бросить перчатку ПНМ, но часть голосов у нее отберет. Функционеры Партии национального мандата говорили, что ПНС не представляет для них угрозы⁴. В настоящий момент это действительно так. Однако в ближайшее время политический маятник может качнуться в другую сторону. Глава Мухаммадии Дин Шамсуддин подчеркивал, что между ней и ПНС не существует организационных связей, но есть сближающие их исторические и культурные узы. Следует заметить, что Мухаммадия обладает колоссальным мобилизационным потенциалом и оказывает влияние на огромные массы людей. Тот, кто сумеет пе-

реманить ее на свою сторону, сразу увеличит свое политическое влияние. Шамсуддин публично признавался, что в прошлом Мухаммадия была близка с партиями, которые впоследствии предали ее⁵. Шамсуддин не уточнил, какие это были за партии, но многие расценили его слова как скрытый выпад против ПНМ. Последовали предположения о возможном союзе Мухаммадии и ПНС. В целом создание Партии национального солнца в известной степени указывало на внутреннюю слабость и структурную рыхлость ПНМ, которой не добавляла очков и личность ее председателя, который был известен своим эксцентричным поведением, иногда отталкивавшим консервативных избирателей.

Перед выборами председатель ПНМ Сутрисно Бахир заявлял, что он рассчитывает на значительное увеличение числа контролируемых его партией мест в парламенте, но это было крайне маловероятно. ПНМ нередко критиковали за отсутствие ясной позиции по важным вопросам, а также за неумение четко излагать свои политические цели и задачи. Все вышесказанное и предопределило получение партией всего 6% голосов⁶.

Не менее значимые события происходили и в рядах Партии национального возрождения. Она была создана накануне выборов 1999 г. и изначально рассматривалась как политическое крыло Нахдатул Улама, крупнейшей индонезийской мусульманской организации. Душой ее был известнейший интеллеktуал, политический и общественный деятель Абдуррахман Вахид, ставший вторым президентом Индонезии постсучартовской эпохи. Именно фигура Вахида способствовала тому, что Партия национального возрождения уже в конце 1990-х гг. начала стремительное восхождение на политическую вершину. Партия набрала на выборах 2004 г. 10,6% голосов, но повторить успех пятью годами позже не смогла, остановившись на отметке 4,9%⁷. Такое резкое падение популярности объяснялось главным образом тем, что партия в ее первоначальном виде практически перестала существовать. 2008 г. был ознаменован расколом ПНВ, возникшим в результате конфликта, в основе которого лежала борьба за власть и влияние внутри партии. Ситуация была любопытной, если учесть, что ПНВ изначально рассматривалась в числе вождистских структур, само существование которых увязывалось с именем ее лидера. Таким лидером для ПНВ был Вахид. Однако некоторое время назад между ним и нынешним председателем ПНВ Мухаимин Искандаром возникли серьезные противоречия. Особую щекотливость ситуации придавало то, что Вахид и Мухаимин Искандар состояли в родственных отношениях (последний приходился бывшему президенту племянником). Вахид, который, несмотря на продемократическую риторику, нередко в своих поступках руководствовался принципами, противоречившими декларируемым идеалам, попытался отправить за год до выборов председателя партии (Искандара) в отставку. Сам Вахид занимал пост главы консультативного совета ПНВ. Ссылаясь на то, что Искандар

ставил собственные интересы выше партийных, Вахид стал инициатором лишения своего племянника председательского кресла. Законность процедуры, в результате которой Искандар был смещен со своего поста, вызывала у этого политика и его сторонников вопросы. Итогом всего стала затянувшаяся тяжба. В конце концов судебные органы постановили, что Искандар является законным председателем⁸.

Вахид своими резкими и непредсказуемыми шагами в очередной раз бросил тень на самого себя. События 2008-2009 гг. не добавили ему популярности. Более того, он потерпел поражение даже на внутрипартийной арене, фактически лишившись своего детища. Оппозиция Вахиду стала очевидной на внеочередном съезде партии, проводившемся весной 2008 г.: абсолютное большинство глав региональных представительств ПНВ заняли сторону Искандара, поддержав его притязания на власть в партии и признав его председателем ПНВ. Так Вахид стал чужим в своей партии⁹. Он еще долго пытался оказывать сопротивление, но суть дела от этого не менялась. Примечательно, что Вахид уже не в первый раз проявлял свой жесткий, граничащий с авторитаризмом, нрав. Становилось очевидным, что многие партийные функционеры просто устали от этого непредсказуемого и своенравного политика. Ситуация с Искандаром стала последней каплей. Сама ПНВ не смогла перенести удар, который по ней был косвенно нанесен ее отцом – Абдурахманом Вахидом. Но всё же он был подлинным лицом партии, ее символом. Отказаться от него означало существенно ухудшить перспективы ПНВ на выборах 2009 г., итоги которых это подтвердили. Уменьшение числа завоеванных голосов более чем в два раза – результат неудовлетворительный, но, откровенно говоря, закономерный. ПНВ, которую обычно относят к исламским партиям, пополнила ряды тех, кто не оправдал ожиданий и выступил крайне неубедительно на выборах 2009 г. Ее проблемы были во многом схожи с теми, которые вставали перед другими партиями, но, пожалуй, ни на ком они не сказались столь серьезным образом. В 2004 г. после успеха на выборах ПНВ прочили как минимум повторение этого результата через пять лет. Ситуация повернулась таким образом, что взятая в недалеком прошлом планка оказалась неберущейся для ПНВ в ее нынешнем виде.

Партия единства и развития, которая, напомним, существовала еще при Сухарто, набрала вполне предсказуемые 5,3%¹⁰. К числу фаворитов ее никто не относил, и выступление ПЕР можно признать прогнозируемым. При этом нельзя обойти вниманием то, что в 2004 г. она получила почти на 3% голосов больше. В условиях и без того не самой большой популярности ПЕР это означает существенный недобор голосов на выборах-2009. Как показывает практика, партии, в название которой вынесено понятие «единство», самой не хватает сплоченности. Это обстоятельство можно отнести к одной из причин постепенного скаты-

вания некогда довольно мощной структуры в политическое небытие. ПЕР, как и многие ее конкуренты, пытается изменить сложившиеся у населения представления о себе. Опыт последнего времени демонстрирует, что получается у нее это не очень хорошо. При Новом порядке ПЕР на многое не рассчитывала в силу известных политических причин. В свою очередь после падения режима Сухарто ПЕР столкнулась с непростой для себя ситуацией. Она не выдержала напора со стороны новообразовавшихся партийных структур, которые были ярче, свежее, чем давно знакомая индонезийцам ПЕР. Вынужденное отступление ПЕР на парламентском фронте продолжается. За десять лет она потеряла половину своего электората, что весьма симптоматично.

Большим разочарованием обернулись выборы и для Партии справедливости и процветания (ПСП), которую многие рассматривали едва ли не как скрытого фаворита. На победу ей, разумеется, рассчитывать не приходилось, но результат она могла показать хороший. Этого не произошло, и ПСП остановилась на отметке 7,9%¹¹. (Подробнее о ПСП и ее выступлении будет сказано ниже).

На фоне скромных успехов больших исламских партий вряд ли может показаться удивительным то, что остальные представители исламской части партийного спектра Индонезии выступили на выборах еще хуже.

Грэг Фили, сотрудник Австралийского национального университета, немногим более чем за год до выборов предположил, что неудачное выступление на них исламских партий вполне реально. Свою точку зрения ученый объяснял тем, что, по его мнению, исламские партии Индонезии сталкивались с рядом проблем. В первую очередь обращала на себя внимание неэффективность их руководства. Фили, выступая на конференции, организованной совместными усилиями Индонезийской академии наук и издательским домом «Мизан», дал краткую характеристику многим исламским партиям, выдвигая свой тезис об их руководстве как слабом звене. Фили отметил, что председатель Партии единства и развития – Сурьядарма Али – не пользовался достаточным авторитетом даже внутри самой ПЕР, что «определенно должно было помешать ей набрать большое количество голосов на выборах 2009 г.»¹². Для ПНВ также была характерна чрезвычайно большая роль лидера – бывшего президента Абдуррахмана Вахида – в процессе принятия решений, что «могло негативно сказаться на внутрипартийной демократии»¹³. Не обошел вниманием Фили и еще одну партию, которая в постсухартовскую эпоху занимала видное место на индонезийской политической сцене. Речь идет о Партии национального мандата, которую Фили отнес к числу структур, построенных вокруг одного человека. «Как только Бахир (председатель ПНМ – Г.С.) уйдет, партию ожидают времена неопределенности»¹⁴.

Еще одним экспертом, принимавшим участие в конференции, был сотрудник Индонезийской академии наук Шамсуддин Харис. Он, как и его коллега Фили, указывал на ряд проблем и трудностей, с которыми могли столкнуться исламские партии во время парламентской кампании 2009 г. Харис остановился на примере Партии справедливости и процветания, уязвимым местом которой, по мнению исследователя, было то, что она делала ставку на определенную группу избирателей и своей непримиримой позицией по ряду острых вопросов отталкивала от себя часть электората¹⁵. Такой путь себя не оправдывает и существенно снижает потенциал партии.

Следует заметить, что с проблемой, затронутой Фили, так или иначе сталкивались почти все индонезийские политические партии, даже те, которые были далеки от ислама. Гипертрофированная роль лидера в жизни возглавляемой им структуры – отличительная черта индонезийской политической системы. Подобное положение вещей негативно сказывается на развитии и становлении партийных организмов, которые впадают в чрезвычайную зависимость от мнения и поведения одного человека. В то же время необходимо подчеркнуть, что это может пойти ей на пользу, если лидер пользуется авторитетом в общенациональном масштабе и имеет возможность заявить о себе и о своей партийной платформе (достаточно вспомнить Юдойоно и его Партию демократов).

Анализ результатов выборов последних лет демонстрирует одну примечательную тенденцию, которая становится все более очевидной и набирает силу. В позднюю сухартовскую эпоху и период после падения Нового порядка ислам как религия укрепляет свои позиции в общественной жизни страны, занимает все большее пространство на бытовом уровне. При этом ислам в политической сфере прорыва, по большому счету, не совершил. Если сравнивать результаты выборов 1999, 2004 и 2009 гг., то можно увидеть, что в ходе последнего электорального цикла ведущие исламские партии не то что не продвинулись вперед, но даже отступили с занятых ранее позиций.

Как соотносятся усиление влияния бытового ислама и его стагнация на уровне общенациональной политики? Вероятнее всего, дело здесь не в религии как таковой, а в тех силах, которые берутся быть ее политическими представителями. Им зачастую не хватает мудрости, расчетливости и дальновидности для того, чтобы сплотить вокруг себя население и стать главным политическим фактором. Именно недостатки во внутрипартийной политике и выработке грамотного подхода к электорату, о чем уже частично говорилось выше, сдерживают дальнейшее развитие исламских партий. Дин Шамсуддин, лидер Мухаммадии, полагал, что мусульманские избиратели начинают мыслить более рационально. «Люди больше не видят разницы между исламскими и светски-

ми партиями, поэтому они просто голосуют за лучшую из них», - отмечал Шамсуддин¹⁶. С таким видением ситуации можно согласиться.

Многие исламские партийные структуры сами способствовали эрозии своей религиозной идентичности. Иногда это объяснялось стремлением (нередко довольно неуклюжим) получить увесистую часть электорального пирога. Например, ПНМ получила в народе шутливое прозвище «партия артистов», поскольку в ходе парламентской кампании она, движимая желанием завоевать симпатии как можно большего числа избирателей, привлекала на свою сторону многих известных личностей из мира культуры. Разумеется, при таком раскладе партия рано или поздно сталкивалась с вопросом: как быть дальше? Было очевидно, что электорат, готовый проголосовать на выборах за «зеленые» партии (зеленый – цвет ислама), составляет 30-40%, которые они получили в 1999 и 2004 гг. Увеличение числа их сторонников в кратко- и среднесрочной перспективе представляется маловероятным. Следовательно, партии должны были идти на сознательное размывание своего исламского «я» или бороться за избирателя между собой, но тогда прогресса в плане набранных голосов ждать не приходилось (мы рассматриваем потенциальный совокупный показатель исламских партий). Как показал опыт последних выборов, партии предпочли пойти по первому пути, мотивируя это именно желанием стать привлекательными для людей различных религиозных, культурных и политических взглядов. Однако насколько оправданным выглядит такой поворот во внутрипартийной политике? Не получится ли так, что эти партии после резкого изменения выбранного ранее курса оттолкнутся от одного берега, но не сумеют пристать к другому? Такой вариант развития событий вполне возможен.

Еще одним фактором, который способствовал уменьшению популярности исламских партий, был высокий уровень активности (в плане привлечения мусульманских избирателей и защиты исламских интересов), свойственный их конкурентам, которые считаются сугубо светскими структурами, например Голкар и Демократическая партия Индонезии (борющаяся). Понимая всю важность ситуации, они подчеркивали свою близость к исламу, понимание настроений мусульманского большинства Индонезии и, в некоторой степени, готовность быть их проводником в политике.

Нельзя не учитывать, что выборы 2009 г. проходили на фоне не самой простой экономической ситуации. Мировой финансовый кризис затронул и Индонезию, хотя справедливости ради надо сказать, что она справляется с ним довольно успешно и переносит обрушившиеся на нее невзгоды вполне достойно. Неблагоприятное экономическое положение привело к тому, что жители Индонезии в большей степени, чем прежде, заинтересованы в решении насущных проблем и преодолении повседневных бытовых сложностей. При таком развитии событий апелляции

многих исламских партий к высокоморальным ценностям и духовным вопросам (на чём они всегда акцентировали внимание) не всегда находят ожидаемый ответ. «Молитвами кризис не отгонишь и зарплату не повысишь» - такого рода умозаключения нередко можно было услышать на улицах индонезийских городов накануне выборов. Доди Амбарди, сотрудник Индонезийского института исследований общественного мнения, говорит: «Вопрос заключается не в том, какое государство строить – исламское или светское. Горячей темой является экономика. Когда люди занимаются решением экономических вопросов, они становятся более рационально мыслящими и готовы поступиться религией»¹⁷. Из того, что он видел в Индонезии, – а там наблюдается картина, во многом схожая с им описанной, – аналитик сделал заключение, что страна движется к созданию более зрелой демократии. Коллега Амбарди социолог Бурхануддин Мухтади подчеркивал, что индонезийцы склонны отдавать приоритет сугубо земным, а не религиозным проблемам. Индонезийские избиратели рассматривают светские партии как более компетентные. «За всю историю индонезийских демократических выборов исламским партиям ни разу не удавалось завоевать большинство голосов в общенациональном масштабе. Эту тенденцию мы наблюдаем в настоящий момент, и, вероятно, она продолжится и во время выборов в 2009 г.», – заключал Мухтади¹⁸.

Не добавляет популярности исламским партиям и то, что за ними закрепились репутация нетерпимых. В такой многонациональной и мультирелигиозной стране, как Индонезия, это значительно снижает шансы на успех. Попытки сменить образ в ближайшем будущем могут дать лишь ограниченный эффект: еще свежи в памяти довольно острые выпады некоторых исламских партий в адрес своих оппонентов. Весьма показателен пример Партии справедливости и процветания. После неудачного выступления на общенациональных выборах 2009 г. и тяжелого поражения в столичном регионе ее руководители объявили о взятии курса на репозиционирование ПСП. Напомним, что в 2004 г. ПСП одержала сенсационную победу в Джакарте, набрав 22% голосов, оставив своих более опытных оппонентов позади¹⁹. Пять лет спустя ситуация изменилась: победу одержала Демократическая партия президента Юдойоно. ПСП пообещала сделать необходимые выводы из этого неприятного урока. Строго говоря, идеи о необходимости корректировки направления партийного движения высказывались еще до выборов. Но неудача в 2009 г. лишь укрепила лидеров ПСП в понимании необходимости принятия неотложных мер. «Во время выборов 2004 г. мы создавали образ чистой и заботящейся (о народе – Г.С.) партии. Сейчас эту тактику умело использовал Сусило Бамбанг Юдойоно для увеличения популярности демократов», – признавался в мае 2009 г. Зулкифлиманшах, возглавлявший политический отдел центрального комитета пар-

тии²⁰. Тенденцию политик уловил правильно: по мнению политологов и социологов, значительная часть голосов, на которые рассчитывали перед выборами руководители ПСП, отошла именно Юдойоно и Партии демократов.

ПСП превратилась в одного из самых заметных участников последних выборов. От этой партии ждали хорошего результата, но продемонстрированные показатели были гораздо хуже, тех, на которые она надеялась. В пользу ПСП говорило то, что коррупционные скандалы, сотрясавшие многих других участников «битвы за парламент», обошли ее стороной. Это помогло ПСП поддержать имидж партии, ратующей за непримиримую борьбу с взяточничеством. Вместе с тем на протяжении последних лет ПСП резко выделялась на фоне других исламских партий своим радикализмом. Именно ПСП вела активную пропагандистскую кампанию против законопроекта о порнографии, доводя свои требования, по мнению многих жителей Индонезии, до абсурда. Нет ничего удивительного в том, что индонезийцы настороженно относились к ПСП. Приход такой структуры к власти в их глазах мог быть сопряжен с наступлением на многие гражданские права и свободы, расставаться с которыми большинство индонезийцев не желало.

Как бы то ни было, ПСП вместе с ПЕР, ПНМ, ПНВ удалось войти в состав коалиции, которую сформировал президент Юдойоно после апрельских выборов. Нельзя не заметить, что все четыре вышперечисленные партии – исламские. Решение президента включить в состав кабинета (вхождение в партийный союз подразумевало и получение доли при распределении министерских портфелей) партию с репутацией ПСП вызвало различные вопросы. Не приведет ли это к ползучей исламизации индонезийской политики? Не позволит ли исламским партиям на законной основе проводить в жизнь решения, которые могут оказаться неприемлемыми для большинства граждан страны? На этот счет существовали различные точки зрения. Некоторые аналитики полагали, что это явление довольно опасно и может привести к нежелательным последствиям. Исламские партии вновь получают возможность влиять изнутри на процесс принятия важнейших государственных решений и смогут обратить себе во благо такое положение дел, используя представившуюся возможность для реализации своих замыслов. Это могло бы, по мнению скептиков, привести к тому, что Юдойоно будет вынужден отходить от той модели общественно-политического развития, которую он применял во время первого президентского срока. В качестве контраргумента подобным рассуждениям можно привести тот факт, что исламские партии входили и в предыдущую коалицию президента Юдойоно, т.е. работа с ними для него не в новинку. К тому же следует упомянуть и то, что за прошедшие пять лет значительно укрепилось влияние как самого Юдойоно, так и его Партии демократов. Это должно позволить президенту

действовать более смело и раскованно: последние выборы подтвердили, что Юдойоно – самый популярный политик в современной Индонезии, а Партия демократов – безусловный лидер в сфере партийной политики. При этом следует подчеркнуть, что уже вскоре после выборов коалиционные партнеры продемонстрировали несогласие по принципиальному вопросу: кому быть кандидатом в вице-президенты? Юдойоно остановил свой выбор на председателе Центрального банка Индонезии Будионо, против которого высказалась часть исламского спектра оформлявшейся коалиции. Его обвиняли в неолиберализме, отсутствии исламского духа и т. д. Особое усердие в критике потенциального кандидата в вице-президенты проявляла ПСП, которая даже грозила начать переговоры о создании коалиции с другими партиями. Не остался в стороне и Амин Раис, многолетний лидер и символ ПНМ, выпустивший немало критических стрел в адрес Будионо. Юдойоно настоял на своем: в результате на выборы он шел вместе с Будионо.

Религия в преддверии президентских выборов стала одним из главных предметов политических спекуляций и способов ведения не совсем корректной борьбы против оппонентов. Так, пара Юдойоно-Будионо подвергалась нападкам в связи с тем, что их супруги при выборе нарядов не всегда демонстрировали достаточную приверженность исламским ценностям. Главной причиной для критики было то, что супруг кандидатов в президенты и вице-президенты часто видели без джилбаба. Любопытно, что этот вопрос поднимала и ПСП, которая свою критику пыталась прикрыть заботами о судьбах коалиции. Представители этой партии указывали на то, что часть избирателей, которая могла бы отдать голос за эту пару, перейдет к Калле и Виранто, жены которых придерживались более традиционных форм одежды²¹. К супруге Будионо у ПСП вообще были вопросы. В обществе активно муссировались слухи, о том, что она по вероисповеданию католичка. Возможно, еще и поэтому ПСП поначалу противилась кандидатуре Будионо. ПСП предложила Будионо накануне выборов совершить хадж в Мекку. «Нам было бы значительно проще гарантировать солидную поддержку со стороны членов нашей партии, если бы Будионо показал, что он истинный мусульманин», – сообщал источник внутри ПСП, на который ссылалась индонезийская газета «The Jakarta Globe»²². Представители ПСП накануне выборов нередко указывали на то, что пара кандидатов, выдвигаемая коалицией, в которую входила и эта партия, выглядит «не достаточно исламской». В результате некоторые члены самой ПСП подумывали насчет голосования за чужих кандидатов. Со стороны все это походило на прощупывание почвы, попытки понять, в какой степени президент Юдойоно готов пойти на компромиссы. Применявшиеся методы давления на президента и Будионо ожидаемого эффекта не принесли. Юдойоно чувствовал себя уверенно, полноправным хозяином положения, и ус-

тупать не желал. ПСП, в свою очередь, хотелось прикоснуться к власти и войти в состав нового кабинета. Расчет президента оправдался: дальше разговоров и скрытых угроз дело не пошло. Коалиция сохранилась, но вопросы касательно того, как она будет функционировать, остались. На данном этапе ПСП «продавить» президента не удалось, но оставят ли они подобные попытки в дальнейшем?

Причин, по которым Юдойоно решил включить в коалицию исламские партии, было несколько. Во-первых, президент руководствовался здравыми политическими соображениями. Для обеспечения нормальной работы правительства главе государства было необходимо гарантировать себе наличие твердой парламентской базы. Весной создание коалиции с главными конкурентами – Голкаром и ДПИ(б) – было проблематично по ряду причин. Не исключено, что президент надеялся путем включения беспокойной ПСП и других партий несколько их усмирить, взять под контроль. Создание широкого партийного союза обещало и другие выгоды перед июльскими выборами. Тема многочисленных нарушений установленных электоральных процедур неоднократно поднималась различными оппозиционными структурами в апреле-мае 2009 г. Юдойоно был заинтересован, чтобы эти разговоры и обвинения как можно быстрее прекратились. В свою очередь, создание большой коалиции могло ему в этом помочь. Чем многочисленнее союз, тем меньше вероятность того, что оставшиеся за ее пределами партии присоединятся к недовольству Голкара и ДПИ(б).

Таким образом, мы видим, что почти все ведущие исламские партии в 2009 г. выступили хуже, чем на предыдущих выборах. Но они по-прежнему представляют собой важный фактор индонезийской политики и образуют значительную часть оформившейся под крылом главы государства коалиции. При этом нельзя обойти вниманием то, что многие из них испытывают одинаковые проблемы и трудности. В некотором отношении на них распространяется болезнь, свойственная многим индонезийским партиям (чрезвычайная зависимость от популярности лидера, внутренний разлад и т.д.). При этом важным представляется и то, что исламские партии вступают в непростой период переосмысления своей стратегии и поиска своего места в индонезийской политической системе координат. Первые успехи в 1999 и 2004 гг. увеличили их аппетиты, в результате чего даже повторение показанных ранее результатов рассматривалось бы как неудача. При этом есть все основания полагать, что исламские партии будут (первые признаки этого мы уже наблюдаем сейчас) двигаться в сторону медленного «обмирщения» риторики, сущностного наполнения политической активности и внешних атрибутов своей деятельности. Со временем станет ясно, насколько эффективным будет подобная переориентация. Между тем, как показывает практика последних лет, партии, которые традиционно причисляются к сугубо свет-

ским структурам, переживают процесс «позеленения» (индон. *penghi-jauan*), под которым подразумевается усиление влияния ислама на выработку партийной линии. (Подчеркнем, что этим термином обозначают в Индонезии также и укрепление влияния военных на ход общественно-политических и экономических процессов). Из этого вытекает предположение, что наметившийся процесс идеологического сближения партий из этих двух блоков будет продолжен и в дальнейшем, хотя, вероятно, со множеством оговорок.

---

¹ The Jakarta Globe, 13.07.09.

² Antara, 09.07.08; Gatra, 02.09.07.

³ Antara, 25.11.08.

⁴ Gatra, 01.08.08; Media Indonesia, 01.08.08.

⁵ Republika, 23.12.08.

⁶ Komisi pemilihan umum; hasil penghitungan suara sah, 11.05.09.

⁷ Ibid.

⁸ The Jakarta Post, 09.04. 08; The Jakarta Globe, 12.11.08.

⁹ The Jakarta Post, 05.04. 08.

¹⁰ Komisi pemilihan umum; hasil penghitungan suara sah, 11.05.09.

¹¹ Ibid.

¹² The Jakarta Post, 07.02.08.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ The Jakarta Post, 08.07.09.

¹⁷ The Daily Star, 06.04.09.

¹⁸ The Straits Times, 21.03.09.

¹⁹ The Jakarta Post, 11.04.09.

²⁰ The Jakarta Globe, 06.05. 09.

²¹ The Jakarta Globe, 28.06.09.

²² The Jakarta Globe, 02.07.09.